

Владимир Алексеевич Гиляровский

Ученик Расплюева

Владимир Алексеевич Гиляровский
Ученик Расплюева
Серия «Друзья и встречи»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172943

Москва и москвичи: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-11515-0

Аннотация

«В московском шулерском мирке, мало посещавшем театры вследствие того, что все всегда были заняты картами, пользовалась вниманием только одна пьеса «Свадьба Кречинского» – уж очень она их сердцу была близка. Среди них существовали свой Кречинский и свой Расплюев...»

Владимир Гиляровский

Ученик Расплюева

В московском шулерском мирке, мало посещавшем театры вследствие того, что все всегда были заняты картами, пользовалась вниманием только одна пьеса «Свадьба Кречинского» – уж очень она их сердцу была близка. Среди них существовали свой Кречинский и свой Расплюев.

– Вчера метал банк Кречинский!

И все знали, что разговор идет про старого игрока, щеголя Попова.

– Расплюев арапа запустил... Пенсне у него разбили.

И все знали, что арапа запустил Николай Назарович Расплюев. Но никому не известно было, кто он, откуда, как его настоящая фамилия. Знал это, может быть, один только Василий Морозович Темный, не раз вместе попадались и вместе шествовали по этапу, для удостоверения личности, в Тамбов и оттуда тотчас же благополучно возвращались в Москву.

Известно, что Василий Морозович Темный на самом деле был мещанин Василий Морозов. Вместе в шулерской компании они работали по игорным домам в Москве, а в ярмарках, в вагонах и на пароходах – только вдвоем. Уж очень удобная была пара: Расплюев, всегда чисто выбритый, с подстриженными усами, с причесанной по моде головой, в неизмен-

ном золотом пенсне, держался барином, а Темный, в долгополом сюртуке, в щегольских смазных сапогах, в картузе набекрень, с бородой-лопатой, выглядел богатым захолустным купцом или кулаком-землевладельцем. Вообще это была фигура лихая, атаманская. Оба друга являлись шулерами высокого класса. Говорили, что их связывала какая-то тайна. Василий Морозович еще в своей среде назывался по имени персонажа из той же «Свадьбы Кречинского» – купцом Щебневым. Купец Щебнев – это тот самый, который в пьесе повторяет все время одну фразу: «Прикажите получить-с».

Это была любимая фраза и Темного, когда он метал банк, – без денег он никогда не метал и, убив карту, тотчас же требовал:

– Прикажите получить.

Вот за это его и прозвали Щебневым.

На моей памяти в поездке между Козловом и Москвой они обыграли московского богача Сергея Губонина на двенадцать тысяч рублей, и Губонин, рассказывая об этом в клубе друзьям, доказывавшим, что попал на шулеров, уверял:

– Помилуйте, быть не может. И по одежде купец, и фамилия хорошо знакомая, купеческая фамилия, Щебнев, с ним барин в золотом пенсне ехал, тоже проиграл и он.

Уж разуверился тогда, когда ему показали афишу «Свадьбы Кречинского», где напечатано было в числе действующих лиц: «купец Щебнев».

Кречинским звали Попова, но вслух, в глаза ему не гово-

рили, боялись:

– Он за Кречинского ребра переломал Ломоносову.

А Ломоносов первым кулачным бойцом считался. Попова и боялись и уважали шулера, как великого мастера своего дела, всегда скромного и державшего свое слово. Одевался он, даже являясь в грязные игорные притоны, всегда шикарно – черная пара от лучшего портного (его поставщиком был исключительно Сиже), стройный, высокого роста, и никогда, сознавая свою огромную физическую силу, не возвышавший голоса. Стоило молча поднять ему свою большую выхоленную руку (он даже спал в перчатке) – и всякий шум прекращался за игорным столом каторжной компании. Приемы Кречинского были приемами барина именно в том духе, как играл Киселевский у Корша, они были усвоены им до мелочей, только носил он не бакенбарды, обязательные у Кречинского на всех сценах, а красиво подстриженные, тонкие, выхоленные усы.

Он, разгадывавший первым каждый новый прием шулерства и придумавший некоторые приемы сам, не любил бывать на народе, не играл ни в клубах, ни на свадьбах и балах в Москве, а уезжал для игры в отдаленные от центра города, где его не знали, главным образом в Сибирь, да по старой памяти иногда играл на пароходах. В Москве его специальностью было метать банк на «мельницах» только среди шулеров и представителей преступного мира и обыгрывать их только ловкостью рук и новизной приема... И никогда ни-

кто его не поймал. В Москве он занимал небольшую уютную квартиру, где жил со своей старухой-матерью и с гражданской женой, красивой эстонкой. Узнав, что какие-нибудь московские шулера кого-нибудь обыграли на большую сумму, он устраивал у себя карточный вечер, где, кроме шулеров самого высокого полета, никого не было, – и обыгрывал их вчистую каким-нибудь вновь изобретенным специально для этого случая приемом. Впоследствии этот прием расшифровывался, входил в обиход, и никто из обыгранных Поповым шулеров на него не сердился, а, узнав секрет, шулера сами применяли его в игре.

– На него понтировать все равно, что с бритвы мед лезать! – говаривали самые опытные игроки, но, чуть бывало позовет на вечеринку, как тараканы на хлеб лезли.

Красиво метал Попов! Изящно сорвав обложку с колоды, а колода уже подменена незримо у всех на глазах, начинал тасовать, прорезая насквозь, а карты все ложились в том же самом порядке, как они были заранее сложены, – и давал кому-нибудь срезать. Но резка ни к чему не приводила – ловкое движение руки, и карты вновь лежали, как он заранее рассчитал.

Игра была готова. Ставили деньги или, кому разрешено, записывали мелом. Орлиным, именно орлиным глазом он окидывал стол – и сразу видел все: на какие карты крупные ставки, на какие мельче, верны ли записи.

– Что у вас там написано? Пять или три? Три? Ну так

хвостик прочеркните направо... А мне показалось отсюда пять...

– А этот угол на пе или на перепе?

– На пе...

– У вас мелок подкололся, две полоски дает... выходит, на перепе...

– Заметал!

Как машина, правильно и размеренно ложились карты направо и налево; после каждого «абцуга» Попов оглядывал стол и тихо тянул верхнюю карту. Вот показались за тузом червонные «четыре сбоку», а одна «четыре сбоку» – девятка – уже была дана, значит, по теории вероятности десятка, может быть лежащая под тузом, – дана. Самая крупная ставка, пучок сотенных, поставлена была на десятку... Попов снял туза, но под ним оказалась не десятка, а валет... Десятка следующая – бита. Все догадывались конечно, что передернуто, но никто не видел этого.

Таков был московский Кречинский 70-х, 80-х и 90-х годов.

С этим-то самым Поповым я познакомился в 1874 году в Ярославле, а через год после этого на нижегородской ярмарке спас его от смерти, вырвав из рук душителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.